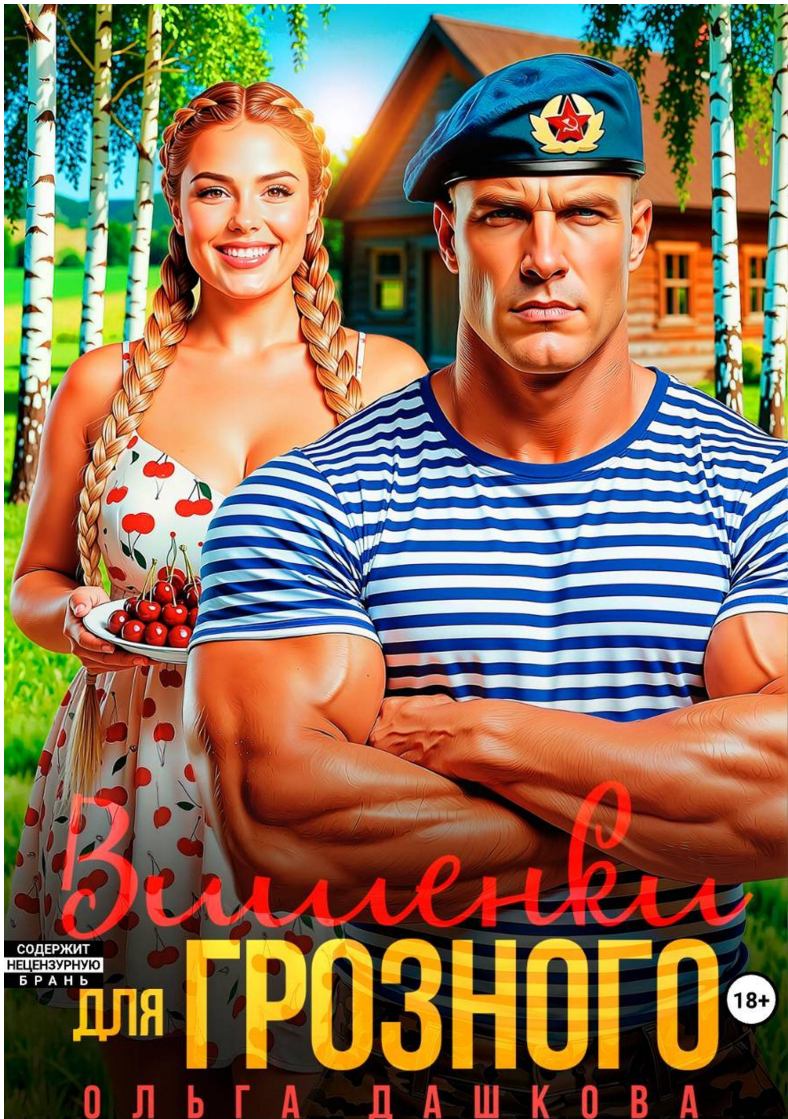

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вилы для ГРОЗНОГО

18+

О Л Ъ Г А Д А Ш К О В А

Ольга Дашкова

Вишенки для Грозного

<https://litres.ru/74306029>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я приехал в деревенский дом деда, чтобы залечить боевые раны.

Мне нужна была тишина. Никаких людей. Никаких женщин. Никаких чувств.

Но соседка в мокрой белой футболке решила все по-своему.

Она смеется слишком громко, печет вишневые пироги и смотрит на меня так, что я забываю, как дышать.

Я умею держать дистанцию. А она ее просто не признает.

Бывший муж сказал, что на такую, как я, нормальные мужчины не смотрят.

Десять лет я почти в это верила и терпела.

А потом на соседнем крыльце появился суровый десантник с позывным Грозный.

Один взгляд, и я поняла: все, что я себе внушала, – ложь.

Теперь я буду приносить ему пироги. По-соседски. Конечно же.

Один умеет только воевать.

Вторая – только делать вид, что ей не больно.

Этим летом оба сильно ошибутся.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Дашкова

Вишенки для Грозного

Глава 1

Марат

Проснулся от того, что в комнате было слишком тихо.

Не той мертвой госпитальной тишиной, когда единственный звук – это капельница и чей-то сдавленный стон за стеной. Другая тишина. Живая, деревенская. Та, в которой даже воздух кажется густым и сытным, как бабушкин кисель.

За окном шелестели березы. Где-то вдалеке мычала корова, похоже, тоже не выспалась. В доме пахло старым деревом, пылью и чем-то еще, чему я не мог подобрать названия. Наверное, так пахнет время, когда оно останавливается.

Дом деда. Дом, в котором я не бывал с его похорон десять лет назад.

Сел на кровати, поморщился. Осколок в груди был как старый знакомый с дурным характером: всегда приходит не вовремя, зато уходить не собирается. Врачи в госпитале сказали бодро: «Капитан Горюнов, вам повезло. Еще пара сантиметров левее – и все».

Повезло. Отличное слово. Теперь я в деревне, в отпуске по ранению, и единственная боевая задача – не сойти с ума

от собственного общества.

Встал, прошел босиком по скрипучим половицам к окну. Скрип был такой основательный, с достоинством. Дед строил на совесть, каждая половица вела свою партию, и вместе они исполняли что-то вроде разошедшейся симфонии.

Солнце уже висело высоко, птицы орали на все голоса. Кофе, мне срочно был нужен крепкий, без сахара, без всяких сантиментов кофе.

На кухне нашел старую медную турку, такую, у которой есть характер и возраст. Насыпал гущи, поставил на газ. Сварил большую порцию кофе, взял кружку, вышел на крыльцо в тельняшке и камуфляжных штанах и приступил к важнейшему делу: созерцать природу.

Вот оно. Ради этого и приехал. Ни начальства, ни подчиненных, ни рапортов, ни сочувствующих взглядов. Только старый дом, березовый лес за огородом и оглушительное, почти неприличное ничегонеделание.

Сделал первый глоток и замер. По соседскому огороду между грядками с укропом стремительно передвигалось явление. Женщина. В белой футболке. Длинной, до середины бедер, но это было все, что можно было записать в колонку «скромность».

Потому что больше на ней не было ровным счетом ничего. Ни лифчика – это я понял сразу, потому что большая, тяжелая грудь при каждом шаге двигалась с той природной свободой, которая возможна только без каких-либо конструк-

тивных ограничений.

Ни трусиков – это я тоже понял, когда она наклонилась с лейкой, и подол задрался, явив миру совершенно безупречную, круглую, загорелую попку.

Я зажмурился. Открыл глаза. Попка никуда не делась.

Ладно. Факт зафиксирован. Соседка. Огород поливает. Все нормально. Обычное дело.

Она напевала что-то себе под нос, что-то игривое, с прищипыванием. Светло-русые волосы, выгоревшие на солнце и отливающие легкой рыжиной, были заплетены в две толстые косы, которые болтались при каждом движении. Пышные бедра, тонкая талия – такие пропорции рисуют на открытках, а потом утверждают, что это нереалистично.

Реалистично. Очень даже.

Лейка поднялась, дуга воды описала красивую траекторию – и хлестнула прямо ей на грудь.

Футболка мгновенно прилипла к телу. Я сделал глоток кофе, просто чтобы было чем занять руки, он обжег язык, но я этого не почувствовал.

Ткань стала прозрачной так быстро и так основательно, что у меня в голове промелькнула мысль: «*Это диверсия*». Темные четкие круги сосков, затвердевших от холодной воды, явились на белый свет с полным спокойствием, говоря о том, что им нечего скрывать.

Мое тело отреагировало молниеносно, как хорошо обученный боец на команду «подъем». Резко, тяжело, без пре-

дупреждения.

«Восемь месяцев, – констатировал внутренний голос. Голос звучал укоризненно. – Восемь месяцев, Марат Тимурович, вы без женщины. Это не рекорд, но к нему близко».

Женщина еще раз подняла лейку, еще одна волна холодной воды, громкий стон от неожиданности. Мокрая ткань облепила каждый изгиб ее тела с таким старанием, будто хотела получить медаль. Она провела ладонями по мокрой футболке, просто отжимая воду, ничего особенного, и это движение было настолько... обстоятельным, что я...

Поперхнулся.

Кашель вырвался резко, некультурно. Кружка дернулась, кофе плеснул на перила. Соседка мгновенно обернулась. Наши взгляды встретились.

Нас на крыльце в этот момент стояло двое – я и мой верный друг в штанах, и я понимал одно: нас только что поймали за занятием, которое в любом уставе описывается как «недостойное офицера».

Она не закричала, не прикрылась, не убежала, оскорбленно хлопнув дверью. Просто выпрямилась, поставила лейку. Смерила меня взглядом, таким неспешным, оценивающим, каким смотрят на ценник в магазине, еще не решив, брать или нет. А мокрая футболка все так же облепливала ее грудь с художественной откровенностью.

На лице медленно расцвела улыбка. Дерзкая. Совершенно не смущенная. Скорее – довольная.

– Доброе утро, сосед, – сказала звонко. – Я уж думала, тут десять лет никого нет. А тут – человек. С кофе. С интересом к сельскому хозяйству, я так понимаю.

Последние слова прозвучали с такой интонацией, что я почувствовал: она прекрасно понимает, какое именно «сельское хозяйство» меня интересовало.

Она снова провела ладонями по груди, отжимая воду, грудь колыхнулась под мокрой тканью так медленно и так весомо, что у меня в голове стало совсем пусто. Как перед боем. Только боем здесь и не пахло.

Сглотнул. Голос вышел хриплым – не от смущения, нет, просто с утра:

– Доброе.

Гениально, Горюнов. Просто блестяще.

Соседка чуть склонила голову, косы качнулись.

– Меня Алевтина зовут. А тебя как, любитель ранних просмотров?

«*Любитель ранних просмотров*»? Это было что-то новенькое в моем личном деле.

– Марат. Горюнов. Тимурович.

– Горюнов, – повторила она, будто пробуя на вкус. – Это же дед Игнат Горюнов был? Значит, внук. Хорошо. А тельняшка, это к чему – десант?

Я смотрел на нее, на мокрую футболку, на косы. На эту совершенно невозможную улыбку, которая не имела никакого права так выглядеть в семь утра у грядок с укропом.

– Десант, – подтвердил.

– Надо же, – Алевтина взяла лейку и повернулась, явив мне вид сзади – такой же подробный, как и спереди. – Если будете так дальше пялиться, Марат Тимурович, я могу и лейку переориентировать. Чтобы тоже освежились, а то смотрите так, словно у вас год женщины не было.

Она пошла по грядкам дальше, покачивая бедрами. Мокрая футболка прилипла к спине и попке, обрисовывая каждую округлость с той щедрой откровенностью, на которую способна только промокшая хлопковая ткань.

Я стоял на крыльце и смотрел ей вслед. Год, она сказала «год», ну, почти угадала. *«Это не совпадение»,* – сказал мне внутренний голос. – *«Это приговор».*

Тишины не будет, я это понял сразу. Ни хрена не будет тишины, покоя и нормального утреннего кофе на крыльце с такой соседкой.

Самое поганое было не это. Самое поганое то, что я, как дурак, стоял, смотрел ей вслед, а кофе в кружке давно остыл, и природа вокруг уже не радовала. А я все равно не уходил.

Глава 2

Алевтина

Говорят, женская интуиция – это миф, выдуманный теми, кто не умеет объяснить очевидное. Может, и так. Но я всегда чувствовала чужой взгляд спиной, еще с тех времен, когда Костя смотрел на меня через стол с выражением человека, разочарованного покупкой.

Но этот взгляд был другим.

Огород я поливала второпях, в чем была, то есть в футболке и больше ни в чем, ну не люблю я спать в белье, привыкла голышом. Накинула только футболку, штаны надеть было некогда категорически. Тесто на пироги поставила с вечера, с утра оно уже лезло из кастрюли с упорством живого существа, которое решило во что бы то ни стало увидеть мир.

Пока я его осаживала, уговаривала, делала ему внушение, укроп и помидоры на грядке уже тихо страдали от жажды.

Штаны, решила я, подождут. Томаты – нет. Схватила лейку и выскочила.

Июльское утро встретило меня теплом, птичьим гвалтом и запахом скошенной травы. Хорошо. Я люблю это время, когда деревня еще не проснулась окончательно, когда воздух чистый и никто не лезет с разговорами.

Бабушкин огород небольшой, уютный, весь в зелени. Я поливала и напевала какую-то глупость, которую сама сочи-

нила по ходу дела, и думала о пирогах.

А потом почувствовала. Не услышала, а именно почувствовала. Взгляд лег на спину, как теплая ладонь. Тяжелый, внимательный, очень... конкретный и откровенный. Как я это поняла? Не знаю, просто поняла.

Не обернулась сразу, продолжала поливать, только спина стала чуть прямее сама собой. Тело умнее головы, оно все понимает без объяснений. Десять лет замужества за Костей Вишневым выработали во мне рефлекс: сначала оцени угрозу, потом реагируй. Бояться – в самую последнюю очередь, и только если совсем уж некуда деваться.

Угрозой тут не пахло. Пахло кофе, ветерок принес его аромат.

Я подняла лейку повыше, струя случайно пошла широко, красиво, и часть воды закономерно досталась мне. Футболка прилипла к груди, я тихо вскрикнула от неожиданности и поняла, что взгляд за спиной стал еще тяжелее.

«Интересно, – подумала я. – Очень интересно».

Затем раздался кашель, такой громкий, внезапный и совершенно беспомощный, что я едва не засмеялась в голос прямо там, между грядками.

Обернулась.

На крыльце соседнего дома деда Игната, что десять лет дом стоял без жильцов, смотрел на мир пустыми глазницами окон, стоял мужчина. В тельняшке, в камуфляжных штанах, с кружкой, из которой только что выплеснулся кофе на пе-

рила. С лицом человека, которого застали за чем-то, что он определенно делал.

Я его рассмотрела быстро, по привычке, взгляд у меня цепкий, бабушка говорила: «Тина, ты как фотоаппарат, только без кнопки выключения». Высокий. Широкий в плечах, не показушно, а основательно, по-настоящему.

Короткая стрижка, скулы четкие, лицо суровое, из тех, которые в кино дают злодеям, а в жизни они оказываются просто людьми с непростой биографией. Возраст был где-то между «еще молодой» и «уже знает, почем фунт лиха», думаю, сорока еще нет, но близко к этому.

Мужчина смотрел на меня с таким выражением, с каким смотрят, только когда думают, что их не видят.

«Ну что ж, – решила я. – Раз видели – значит, знакомимся».

Смущаться я не стала. Во-первых, не в моих правилах. Во-вторых – что смущаться? Футболка на мне есть, огород мой, утро раннее, томаты просят воды, тесто убегает.

В-третьих, за десять лет с Костей я получила такую прокачку нервной системы, что меня уже мало что способно выбить из равновесия. Муж умел смотреть так, что хотелось стать меньше, тише, невидимее.

Этот смотрел иначе. Этот смотрел как на что-то, от чего не хочется отводить глаза. И... это было... неожиданно приятно.

Я сказала ему «доброе утро», назвала себя, спросила имя.

Он ответил односложно, с хрипотцой – Марат, Горюнов, Тимурович – и я подумала: *«Надо же, внук деда Игната. Дед был хорошим человеком. Посмотрим, что вышло из внука»*.

Вышло, судя по всему, неплохо. На первый взгляд.

Сказала ему еще пару ласковых, взяла лейку и ушла с достоинством, покачивая бедрами чуть больше, чем требовала агрономическая необходимость. Чисто из принципа.

На веранде оставила лейку, зашла в дом, прошла в комнату и долго смотрела в зеркало.

Зеркало у бабушки было старое, в деревянной раме, немного мутноватое, отражало честно, без прикрас, но и без жестокости. Я смотрела на себя и слышала Костин голос. Он умел появляться именно тогда, когда не звали.

«На такую, как ты, у нормального мужика и не встанет, Аля».

Это он сказал в самом конце, перед тем как уйти к Юльке из бухгалтерии – тонкой, тихой, с руками как стебельки. Сказал без злости, почти устало, как человек, который долго терпел и наконец объяснил причину.

Я тогда не заплакала. Просто кивнула и закрыла за ним дверь. Плакала потом. Долго. В ванной, чтобы не слышала соседка за стеной.

Теперь я смотрела в зеркало на пышные бедра, на грудь, которую Костя называл «дойками», на талию, которую он считал недостаточной, на косы, которые он просил остричь – *«взрослая баба, а ходишь как деревеница»* – и думала: а

сосед-то смотрел.

Смотрел так, что кружку чуть не выронил. Смотрел так, что даже подавился. Сердце билось чуть быстрее, чем следовало бы.

Спокойно. Один взгляд – не диагноз. Мужчины смотрят на все, что движется. Это рефлекс, не комплимент.

Сердце не согласилось и продолжило свое.

Фыркнула на собственное отражение, намотала косы на голову, закрепила шпильками и пошла к тесту. Тесто ждало, слегка обиженное, что его бросили. Я помяла его с чувством, разделила на части, достала из холодильника вишню – собственную, с бабушкиного дерева, крупную, темно-красную, такую, от которой сразу темнеет рот и хочется еще.

Месила тесто и думала.

Думала, что мужчина на крыльце смотрел угрюмо, а кашлял – растерянно. Что из кармана его брюк торчал край голубого берета, значит, точно десантник, не соврал. Да и какой резон ему врать?

Думала, что он, наверное, один в этом пустом доме и, наверное, ест что попало, типа сухого пайка или тушенки. Думала, что пироги у меня получаются хорошо. Даже очень.

«Два, – решила я, раскатывая тесто. – Два пирога отложу. Один – с открытой вишней, сверху сахар. Второй – маленький, закрытый. Занесу. По-соседски. Просто так. Ника-ко-го умысла. Со-вер-шен-но!»

Начала лепить пирожки, и сердце все никак не могло уго-

мониться, постукивало себе ровно, но чуть быстрее нормы, как метроном, которому кто-то тайно подкрутил темп.

Наглое сердце. Совершенно, абсолютно, категорически наглое. Но пироги я все равно отложила. Четыре. Самых красивых.

Глава 3

Марат

После знакомства с интересной, во всех смыслах этого слова, соседкой решил занять себя делом и починить забор.

Не потому что он был в аварийном состоянии, нет, дед строил на века, и старые доски держались вполне прилично. Просто между моим участком и соседским имелась щель. Сантиметров двадцать, не больше. Совершенно незначительная щель, сквозь которую при большом желании можно было разглядеть соседский огород.

Щель надо было заколотить. По стратегическим соображениям.

Нашел в сарае доски, гвозди, молоток и вышел во двор. Утро было тихое, росистое, пахло травой и где-то вишней. Я старательно не думал о том, откуда пахнет вишней, встал на колени перед забором и приступил.

Работа шла хорошо. Руки помнят, что делать, когда голова предпочитает не думать. Я забивал гвоздь за гвоздем, доска легла ровно, щель закрылась, но стало почему-то не лучше, а хуже. Как будто я только что сделал что-то необратимое и сам не понимаю, что именно.

«Ты забор чинишь или баррикаду строишь?»— сказал внутренний голос.

— Отстань, — ответил вслух.

Встал, потряхнул колени и пошел за следующей доской. Плечо сегодня держалось хорошо, пока не разошлось, всегда было чуть сковано, но терпимо. Я научился с этим жить. Не любить – но жить.

Калитка скрипнула в половине девятого.

Я услышал раньше, чем обернулся. Шаги легкие, быстрые, не крадется, идет открыто, как человек, которому нечего скрывать и незачем торопиться.

Соседка стояла у забора в простом сарафане, белом в мелкую вишенку, с косами, уложенными на затылке. Без мокрой футболки, спасибо ей на этом. Обычная девушка. И от этой обычности почему-то было труднее, чем от всего предыдущего.

В руках она держала тарелку, накрытую белым полотенцем.

– Доброе утро, Марат Тимурович, еще раз, – она подняла тарелку над забором. – Пирог с вишней. Испекла лишние, не пропадать же.

Я смотрел на тарелку.

«Не бери, – сказал внутренний голос. – Возьмешь – и все, считай, сдался».

– Спасибо, – сказал и взял.

Полотенце было теплым. Под ним оказалось четыре пирога. Золотистые, пышные, с темными вишневыми подтеками по бокам. От них шел такой запах, что у меня моментально и совершенно позорно свело желудок.

Алевтина смотрела на меня с легкой дерзкой улыбкой, чуть прищурившись. Ждала чего-то.

– Хорошо печете, – выдавил.

– Знаю, – согласилась она без ложной скромности и ушла.

Я стоял с тарелкой и смотрел ей вслед. Платье качалось при ходьбе, подол задирали ветер.

«Ты только что сдался», – констатировал внутренний голос.

– Я взял пироги. Это вежливость.

«Все четыре съешь – тоже вежливость?»

Я съел все четыре. До последней крошки. За один при-
сест, прямо на крыльце, запивая холодной водой из колодца. Это было лучшее, что я ел за восемь месяцев, и это обстоятельство меня злило совершенно непропорционально ситуации.

После обеда я вернулся к забору. Нашел еще одну щель, маленькую, незначительную, в дальнем углу. Заколотил. Потом осмотрел весь периметр еще раз, методично, как периметр объекта. Непрошибаемо. Можно было докладывать.

В пять вечера пришел Василий.

Я его знал, мы знакомы, но не близко, еще с тех пор, когда дед был жив. Василий местный механизатор, плечистый мужик лет сорока пяти с вечно довольным лицом и манерой здороваться со всеми сразу и очень громко.

Он шел к соседскому дому с букетом: ромашки, колокольчики, что-то желтое. Держал его так бережно, как держат

что-то, во что вложили последнюю надежду. Я в этот момент как раз стоял у забора. Случайно. Просто проверял качество работы.

Алевтина вышла на крыльцо, увидела Василия, засмеялась грудным и слишком громким для деревенской тишины смехом. Взяла букет. Они стояли и разговаривали. Вася что-то говорил, жестикулировал, она кивала и улыбалась.

Я отошел от забора.

Зашел в сарай. Нашел там рубанок и доску, которая ни в чем не была виновата. Начал ее строгать. Долго. Методично. Доска стала очень гладкой, можно было есть с нее, как с тарелки.

Василий не уходил.

Я взял следующую доску.

Через час, когда рубанок в моих руках уже начинал напоминать орудие мести, калитка наконец скрипнула. Я выглянул из сарая с видом человека, которого вообще ничего не интересует. Вася уходил – оглядывался, махал рукой. Алевтина стояла на крыльце и махала доброжелательно в ответ, но без тоски, как машут хорошему соседу, а не мужчине, который нужен.

Это почему-то немного отпустило. *«Немного»*, – повторил внутренний голос с противным удовлетворением.

– Заткнись, – сказал я ему.

Ночью лежал на спине и смотрел в потолок. Думал о том, что осколок сегодня почти не давал о себе знать, значит, хо-

рошая была работа, физическая, правильная. Думал о том, что надо бы съездить в районный центр, докупить кое-что по хозяйству. Думал о том, что дед, наверное, знал, что делал, когда оставил мне этот дом, может, чувствовал, что внуку придется когда-нибудь спрятаться от самого себя в тихом месте.

О пирогах я не думал. О соседке – тоже. Я очень старательно о них не думал. Примерно до двух ночи.

Утром, выйдя на крыльцо с кружкой кофе, я увидел у своей двери маленькую банку. Темное стекло, жестяная крышка, завязанная сверху кусочком синей ткани в горошек. Без записки, без подписи. Просто стояла, как будто всегда тут стояла.

Поднял банку, поднес к свету. Вишневое варенье. Густое, темно-красное, с целыми ягодами внутри. Появилось в шесть утра, пока я спал. Пришла, поставила и ушла, тихо, без свидетелей, без расчета на благодарность.

Я стоял на крыльце с банкой варенья в руке и чувствовал, как что-то внутри, хорошо укрепленное, тщательно выстроенное за восемь долгих месяцев, дает едва слышимую, совсем маленькую, но совершенно отчетливую трещину.

«Это война, – понял я. – Она воюет вишнями, пирогами и футболкой, прилипшей к телу».

Открыл банку. Сунул внутрь палец, потом облизал его. Варенье было таким, что я закрыл глаза. Господи, это было не варенье, а эликсир счастья. Ну и соседка, ну и Алевтина.

На все руки мастерица, а что за тело!

Так, Марат, только не думай о теле!

Глава 4

Алевтина

Варенье поставила в шесть утра.

Это был спланированный маневр, который я сама отказывалась называть маневром. Просто варенья много, банок много, куда его девать – непонятно, бабушка каждое лето закрывала по тридцать штук, как будто готовилась к осаде. Вот и пусть человек берет. По-соседски. Никакого умысла.

Поставила банку под его дверь, развернулась и почти побежала обратно через росистую траву в тапках, в ночной рубашке, с растрепанными косами. Сердце колотилось так, что я слышала его в ушах. Это было глупо, смешно и совершенно неприемлемо для тридцатилетней разведенной женщины, которая сама себе хозяйка.

Дома я залезла обратно под одеяло и долго смотрела в потолок.

«Алевтина Станиславовна, – сказала я себе строго, – ты поставила человеку варенье. Не объяснение в любви, не нижнее белье на крыльцо – варенье. Успокойся».

Успокоилась примерно к восьми утра. Когда встала печь олады.

День выдался жаркий, такой, когда воздух над огородом дрожит, и даже мысли становятся медленными и тягучими, как смола. Я прополола грядки до полудня, потом сдалась,

умылась холодной водой и решила идти на реку.

Собралась быстро: полотенце, книга, шляпа из бабушкиного комода, соломенная, с выцветшей лентой. Сарафан надела мой любимый, с вишнями. Он легкий и широкий, в нем не жарко. Косы убрала под шляпу.

Выходила через калитку и совершенно случайно посмотрела в сторону соседнего двора. Марат колол дрова. Без футболки.

Я остановилась. У меня развязался шнурок на кедах, это было очень кстати. Я присела, начала завязывать. Медленно. Очень тщательно. Завязала. Развязала. Завязала еще раз, лучше.

За это время я успела рассмотреть следующее: широкие плечи с рельефом, который не нарисуешь в зале – это только от настоящей работы и настоящей жизни. Шрам почти через всю грудь, длинный, розовый. Движения точные, без суеты: замах, удар, чурка разлетается пополам с первого раза. Он ни разу не промахнулся. Ни разу не остановился передохнуть.

Шнурок был завязан идеально, поднялась и пошла на реку.

У реки я лежала на спине, смотрела в небо через соломенные поля шляпы и думала о руках. Не вообще о руках – конкретно. О том, как они держат топор. О шраме на груди. О том, что мужчина, который колет дрова молча и точно, без понтов и лишних движений, – это что-то такое, чего я давно не видела.

Костя дрова не колот. Костя вообще предпочитал, чтобы все было готово без его участия.

Я перевернулась на живот и раскрыла книгу. Прочитала одну страницу. Потом еще раз. Потом закрыла и уставилась на воду.

«У тебя проблемы Алевтина», – сказала я себе честно.

Вода согласилась – тихо плеснула о берег и промолчала.

Василий пришел в пять, как обычно по средам. Я его ждала, не с нетерпением, но без раздражения. Василий Кормухин был хорошим человеком, правильным. Вдовец уже три года, двое детей-подростков, Димка и Настя, работающий, непьющий, с руками и головой. Деревня считала нас почти парой, хотя мы об этом не договаривались.

Он пришел с ромашками и колокольчиками, поставил букет на стол, сел пить чай и начал рассказывать про комбайн, который третий день чинит. Я слушала, кивала, подкладывала ему пироги и оладьи. Он ел с удовольствием, Василий всегда ел с удовольствием, это в нем было хорошее, он умел ценить простые вещи.

Я смотрела на него и думала: вот он, готовый ответ на все вопросы. Надежный. Теплый. Дом у него большой, крепкий. Он смотрит на меня, по-настоящему смотрит, без задних мыслей, с прямой мужской нежностью, от которой не знаешь куда деться.

Все правильно. Все логично. И совершенно, абсолютно –

мимо.

Не понимала почему. Злилась на себя за это. Костя оставил меня с убеждением, что я слишком много хочу, что нормальные женщины не выбирают, а берут, что дают, и радуются. Может, он был прав? Может, это я неправильная: сижу, смотрю на хорошего человека, и внутри тихо, как в библиотеке.

Ни одного лишнего удара сердца. Ни одного.

Василий ушел в половине седьмого, обещал завтра заехать, если комбайн запустят раньше срока. Я помахала ему с крыльца, зашла в дом и вдруг поняла, что устала. Не от него – от самой себя. От этого внутреннего суда, который заседает без перерыва.

Вымыла чашки, поставила тесто на завтра и открыла окно.

Гроза пришла в десять вечера.

Сначала – запах. Тот особенный, грозовой, когда воздух становится тяжелым и живым, и волосы начинают чуть вставать. Потом в березах за огородом зашумел резкий теплый ветер. Потом небо разорвало белым – раз, другой – и грянуло так, что задребезжали бабушкины банки на полке.

Всегда любила грозу. Сидела у окна, смотрела, как по стеклу бегут потоки, пила чай и думала, что летом в деревне все острее – и радость, и тишина, и одиночество. С потолка в сенях начало капать в половине одиннадцатого.

Сначала редко – кап, кап, – потом быстрее. Я нашла таз, поставила под струйку. Нашла второй, потекло в другом ме-

сте. Полезла за третьим, уронила его, громко сказала все, что думала про бабушкину крышу, про лето, про свою жизнь в целом, и тут в дверь постучали.

Я открыла.

Марат стоял на крыльце мокрый насквозь, тельняшка прилипла к телу, с берета текло, в руке он держал молоток и какую-то рейку. Смотрел на меня, на таз за моей спиной, на второй таз, на мое лицо.

Ничего не сказала про то, что поздно. Что гроза. Что мог бы не приходить.

– Где еще течет?

Молчала секунду. Почему-то горло перехватило, глупо, совершенно по-детски.

– Вон там, – показала. – И там, в углу, немного.

Он кивнул и полез на чердак. Я стояла внизу, подавала инструменты, когда просил, держала фонарик и слушала, как он работает – ровно, без суеты, без жалоб на дождь, который лил в открытый чердачный люк прямо на него. Молоток стучал ритмично и уверенно. Сверху летели щепки и капли воды.

Я думала о том, что Костя за десять лет не починил ни одной текущей трубы. Говорил – вызови мастера, я не умею, у меня другая специализация. Специализация у него была – лежать на диване и объяснять мне, что я делаю не так, дополнительно критикуя мою внешность.

Марат слез через сорок минут. Мокрый совершенно, с

щепкой в волосах. Посмотрел на потолок.

– До утра продержится. Завтра при свете посмотрю нормально.

– Спасибо, – сказала. – Чай будете?

– Нет.

И ушел в дождь. Просто развернулся и пошел через темный двор, не оглядываясь. Я долго стояла у закрытой двери.

Потом достала телефон и написала сестре Ленке в Москву: *«Тут сосед есть. Десантник. Крышу починил в грозу».*

Ленка ответила через тридцать секунд: *«Замуж».*

Убрала телефон. Легла в кровать. Смотрела в потолок – теперь сухой, молчащий. И поняла вдруг совершенно отчетливо: Василий приносит ромашки. Это хорошо и правильно – и совсем не то.

А этот пришел в ливень с молотком. Ничего не спросил, ничего не попросил. Просто починил и ушел в темноту, как будто так и надо. Сердце билось громко, неровно, совершенно неприлично.

«Ленка права», – подумала я.

Глава 5

Марат

Утром я принял твердое решение: все, хватит.

Не в смысле «хватит жить», это было бы слишком драматично для человека, который только что съел банку варенья пальцем прямо на крыльце.

В смысле другого: хватит замечать соседку. Хватит смотреть сквозь щели в заборе, который я сам же заколотил, и правильно сделал. Хватит вставать в два ночи с мыслью о пирогах.

Хватит, Горюнов. Ты капитан ВДВ, ты прошел три командировки, ты умеешь держать позицию в условиях превосходящих сил противника. Противник весил килограммов девяносто, носил вишневый сарафан и умел печь пироги так, что у взрослого мужика отшибло волю.

Но я умею держать позицию. Профессионально.

Вышел во двор, сел на крыльцо с кофе и книгой, детектив, купил еще в городе, не читал ни разу. Открыл на первой странице. Прочитал, перевернул, прочитал вторую. Хорошо шло, отлично, никаких соседак в голове.

За забором запели.

Не тихо, себе под нос, а в полный голос, с душой, с удовольствием. Что-то старое, протяжное, из тех песен, которые бабки поют на лавочках, когда солнце садится. Голос у со-

седки оказался – я не ожидал. Не поставленный, не концертный, но живой, теплый, такой, что по спине что-то проходит и непонятно, то ли сквозняк, то ли что-то другое.

Я перечитал вторую страницу. Потом третью. Потом понял, что перечитываю вторую в третий раз и детектив здесь совершенно ни при чем. Убрал книгу, сделал вид, что смотрю в небо. Небо было синее, без облаков, ни одного, совершенно было бесполезное небо, смотреть не на что.

Пение за забором не прекращалось.

Дистанция, напомнил я себе. Держи дистанцию, Горюнов.

– Марат Тимурович! – позвала Алевтина через забор так спокойно, будто мы уже договорились о чем-то заранее. – Помогите на минуту, пожалуйста. Срочно нужна сильная мужская рука.

Я не ответил сразу, выдержал, секунды три, профессионально, без суеты. Потом встал, отложил книгу и пошел к калитке с лицом человека, которого оторвали от важного дела.

Девушка стояла у погреба в том самом сарафане с вишнями. Волосы заплетены в одну тяжелую, перекинутую через плечо косу. Руки уперты в бока, на лице – полная невинность.

– Крышка погреба. Одной не поднять, – объяснила она и кивнула на деревянный люк у стены сарая.

Подошел, присел. Взялся за железную скобу. Крышка поддалась с первого рывка, даже легче, чем я ожидал, секунд

тридцать от силы. Поднял, зафиксировал подпоркой, выпрямился.

– Готово.

– Вот спасибо, – сказала она с такой интонацией, что я почувствовал: крышка погреба здесь вообще ни при чем.

Почувствовал это потому, что она не двигалась к погребу. Стояла близко, ближе, чем требовал вопрос с крышкой, и смотрела на меня снизу вверх с выражением, которое я затруднялся классифицировать.

Не кокетство, нет, кокетство было в первый день знакомства, это было бы проще. Что-то серьезнее, спокойнее, честнее. От нее пахло вишней и тестом, и еще чем-то теплым, своим, это сочетание ударило в голову так, что я на секунду забыл, зачем сюда пришел, а в штанах стало тесно.

– Марат, – сказала она тихо, без улыбки, без игры. – Зайдете на чай? Я вишню принесу, свежую, только сняла.

Простой вопрос. Обычный. Чай, вишня, соседи. Я должен был сказать: спасибо, не сегодня. Или: занят. Или вообще ничего не говорить, развернуться и уйти, потому что взрослый человек умеет управлять собой, особенно если восемь лет прослужил и знает, как выглядят ловушки.

Это была ловушка. Красивая, пахнувшая вишней, в сарафане с шикарной грудью и круглой попкой которую я еще не забыл.

– Зайду, – сказал.

Внутренний голос промолчал. Первый раз промолчал.

Может, тоже устал.

Кухня у Алевтины была небольшая, светлая, с низкими потолками и геранью на подоконнике, точь-в-точь как у бабки в детстве, только чище и с запахом свежей выпечки, от которого у нормального человека немедленно возникает желание никуда отсюда не уходить.

Сел за стол, он был основательный, деревянный, такой, за которым едят всерьез, без всяких там подносов на диване. Алевтина поставила чайник, достала из холодильника миску с вишней, темно-красную, крупную, блестящую, высыпала в тарелку. Поставила передо мной. Движения у нее были быстрые, уверенные, без лишней суеты, так ведут себя на своей территории.

Я взял вишню. Съел. Взял еще.

Она что-то говорила про тесто, которое сбежало с утра, про бабушкину кастрюлю, в которой оно всегда сбегало, потому что кастрюля была заговоренная, бабушка сама признавалась. Рассказывала смешно, с самоиронией, показывала руками как тесто лезло через край, я слушал, и ел вишню, и в какой-то момент поймал себя на том, что улыбаюсь.

По-настоящему. Не вежливо, не из приличия, а именно улыбаюсь, потому что смешно и потому что рядом хорошо.

Я не сразу это понял. А когда понял, стало немного не по себе, как бывает, когда долго идешь по темноте и вдруг выходишь на свет шуришься, и не сразу веришь, что это не

мерещится.

Она это заметила. Я видел что заметила, но не сказала ничего, только чуть замедлилась с рассказом и посмотрела с каким-то тихим удовлетворением, как смотрят, когда что-то важное получилось. Потом встала убирать чашки.

Кухня была маленькая. Это я уже говорил, но когда она прошла мимо меня к мойке, я понял это снова и совершенно по-новому. Близко, слишком близко для соседского чая, слишком близко для просто так.

Она остановилась.

Я не смотрел на нее, смотрел в чашку с чаем. Но почувствовал, что она стоит рядом, не двигается. Потом ее ладонь осторожно легла мне на левое плечо, едва касаясь там, где осколок, где шрам, который я обычно прячу под тельняшкой.

Откуда она знала – не понимаю. Но ладонь легла именно туда. Тепло прошло сквозь ткань сразу, как будто она приложила не руку, а что-то живое и очень точное.

– Болит? – спросила тихо.

– Иногда, – голос вышел не таким, каким должен быть у человека, который держит дистанцию.

– Я знаю.

Она не убрала руку. Я не отодвинулся.

Мы молчали секунды три или тридцать, я потерял счет, и в этом молчании было что-то такое, от чего у меня внутри что-то сдвинулось. Тихо, без грохота, без предупреждения –

просто сдвинулось, и встало на другое место.

Пот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.